

СКАЗКИ РОБОТОВ

Три электрицаря

Жил когда-то великий конструктор-изобретатель, который без устали придумывал необычные устройства и создавал удивительнейшие аппараты. Как-то построил себе крошечку-машинешечку, которая прекрасно пела, и назвал ее пташидлой. Печать у него была в форме отважного сердца, и каждый атом, который вышел из-под его руки, носил этот знак, так что ученые потом дивились, обнаруживая в атомных спектрах мерцающие сердечки. Он построил множество полезных машин, больших и малых, и посетил его странный замысел — соединить воедино смерть с жизнью и так достичь невозможного. Решил он построить разумных существ из воды, но не тем ужасным способом, о котором вы сейчас подумали. Нет, мысль о мягких и мокрых телах была ему чужда

Trzej elektrycerze, 1964. © Перевод В. Борисова, 2022.

и вызывала отвращение, как у любого из нас. Он задумал построить из воды существ по-настоящему прекрасных и мудрых, то есть кристаллических. Тогда выбрал он планету, сильно удаленную от всех солнц, из ее замерзших океанов высек ледовые горы и из них, как из горного хрусталя, вытесал крионидов. Звались они так, поскольку лишь в пронизывающем холоде и в пустоте бессолнечной могли существовать. Вскоре построили они города и ледовые дворцы, а поскольку любое тепло грозило им гибелью, они ловили северные сияния в большие прозрачные емкости и ими освещали свои усадьбы. Тот, кто был богаче, тем больше имел северных сияний, лимонных и серебристых, и жили они счастливо, а поскольку любили не только световые огни, но и благородные камни, то прослыли своими драгоценностями. Драгоценности эти были вырезаны из замерзших газов и отшлифованы. Они украшали им их вечную ночь, в которой, словно увязшие духи, пылали стройные северные сияния, подобные заколдованным туманностям в кристаллических колодках. Не один космический завоеватель хотел овладеть этими богатствами, ибо вся Криония была видна с огромных расстояний, мерцающая своими боками словно драгоценность, медленно вращаемая на черном бархате. Поэтому авантюристы прибывали на

Крионию, чтобы испытать военное счастье. Прилетел на нее и электрицарь Латунный, который ступал, словно колокол звонил, но едва он поставил ноги на лед, как тот растаял от жара, и рухнул он в бездну ледового океана, а воды сомкнулись над ним, и так и покоится он на дне крионских морей в ледовой горе словно мошка в янтаре.

Не утратила судьба Латунного и других смельчаков. Прилетел после него электрицарь Железный, опившись жидким гелием так, что у него даже в животе булькало, а иней, осевший на панцире, сделал его похожим на снежную куклу. Но планируя к поверхности планеты, распалился он от атмосферного трения, жидкий гелий из него испарился, свистя, а он сам, светясь красным, упал на ледовые скалы, которые сразу же раскрылись. Он вылез, пыхтя паром, подобный кипящему гейзеру, но все, к чему он прикасался, становилось белым облаком, из которого шел снег. Тогда он сел и стал ждать, пока остынет, а когда уже снежинки перестали таять у него на панцирных наплечниках, хотел встать и отправиться в бой, но смазка загустела у него в суставах и не смог он даже выпрямить спины. До сих пор он так сидит, а падающий снег сделал его белой горой, из которой выступает лишь острие шлема. Называют эту гору Железной, а в ее глазницах блестит замерзший взгляд.

Прослышал о судьбе предшественников третий электричарь, Кварцевый, которого днем было видно не иначе, как полированной линзой, а ночью — как отражением звезд. Он не боялся, что в конечностях у него застынет масло, так как обходился без него, не боялся и того, что льдины под ногами у него лопнут, так как мог оставаться холодным так долго, как хотел. Лишь одного он должен был избегать, а именно: упорного мышления, так как от этого у него разогревался кварцевый мозг, и это могло его погубить. Но он решил бездумьем себе и жизнь спасти, и победы над крионидами достичь. Он прилетел на планету, и так был длинным путешествием через вечную галактическую ночь заморожен, что железные метеориты, которые сталкивались в полете с его грудью, трескались на кусочки, звеня как стекло. Уселся он на белых снегах Крионии, под ее черным небом, как горшок полным звезд, и, подобный прозрачному зеркалу, хотел подумать, за что приняться далее, но сразу снег вокруг него почернел и начал испаряться.

— Ого! — сказал себе Кварцевый. — Нехорошо! Ничего, только не думать, и наша возьмет!

И решил он повторять эту фразу, что бы ни происходило, так как не требовала она умственных усилий и благодаря этому совсем его не разогревала. Тогда двинулся Кварцевый по

снежной пустыне бездумно и абы куда, чтобы оставаться холодным. И шел так, пока не дошел до ледовых стен столицы крионидов, Фригиды. Разбежался, ударил головой в зубец стены так, что даже искры полетели, но ничего не добился.

— Попробуем иначе! — сказал он себе и задумался: сколько будет дважды два?

И когда он размышлял об этом, голова у него несколько разогрелась, так что он во второй раз искристо таранил стену, но сделал лишь маленькую ямку.

— Мало было! — сказал он себе. — Попробуем что-нибудь потруднее. Сколько будет трижды пять?

На этот раз его голову окружило скворчащее облако, потому что снег при столкновении со столь сильным мышлением сразу же закипал, так что отступил Кварцевый, взял разбег, ударил и навывлет пробил стену, а за ней еще два дворца и три дома мелких Морозных Графов, вылетел на большую лестницу, схватился за поручни из сталактитов, но ступеньки были как каток. Он сорвался, потому что все вокруг него таяло, и мог бы он таким образом провалиться через весь город вглубь, в ледовую пропасть, где замерз бы навеки.

— Ничего! Только не думать! Наша возьмет! — сказал он себе и действительно сразу же остыл.

Тогда он вышел из ледового туннеля, который растопил, и оказался на большой площади, со всех сторон освещаемой северным сиянием, которое мигало изумрудом и серебром из хрустальных колонн.

И вышел ему навстречу искрящийся звездно огромный рыцарь, вождь крионидов, Бореал. Взял себя в руки электричарь Кварцевый и бросился в атаку. Сошлись они, и был такой грохот, какой бывает, когда сталкиваются две ледовые горы посреди Северного океана. Отлетела блестящая правая рука Бореала, отсеченная у основания, но не растерялся доблестный рыцарь, лишь развернулся, чтобы грудь, широкую как ледник, которым он и был, подставить врагу. Тот же во второй раз набрал скорости и снова страшно его таранил. Тверже был кварц и плотнее льда, поэтому треснул Бореал с шумом, словно лавина сошла по скальным склонам, и лежал он, разбитый вдребезги, в свете северных сияний, которые смотрели на его поражение.

— Наша возьмет! И дальше так будет! — сказал Кварцевый и сорвал с поверженного драгоценности чудесной красоты: перстни, украшенные водородом, сверкающие пряжки и пуговицы, похожие на алмазные, но вырезанные из трех благородных газов — аргона, криптона и ксенона. Но когда он ими восторгался,

потеплел от волнения, поэтому эти бриллианты и сапфиры, шипя, испарились от прикосновения, и не держал он уже ничего, — кроме нескольких капелек росы, которая тоже тотчас улетучилась.

— Ого! Значит, и восторгаться не следует! Ничего! Только не думать! — сказал он себе и двинулся дальше в глубину захватываемого города.

Увидел он вдали надвигающуюся огромную фигуру. Это был Альбуцид Белый, Енерал-Минерал, чью раскидистую грудь пересекали ряды орденских сосуллек, с большой звездой Инея на гляциальной ленте; этот страж королевских сокровищ преградил путь Кварцевому, который бурей ринулся на него и сокрушил с ледовым грохотом. На помощь Альбуциду прибежал князь Астроух, повелитель черных льдов; и с ним электрицарю было не справиться, потому что на князе были драгоценные азотные латы, закаленные в гелии. Мороз от них шел такой, что отнял у Кварцевого силу, и движения его ослабли, а северное сияние даже побледнело, такое дыхание Абсолютного Нуля разошлось вокруг. Вскочил Кварцевый, думая: — Боже мой! Что же это снова такое творится? — и от огромного изумления мозг его разогрелся, Абсолютный Ноль стал умеренным, и на его глазах Астроух начал распадаться на

части, с громом, который вторил его агонии, и только грома черного льда, как слезами, стеклая водой, превратилась в лужу на поле битвы.

— Наша берет! — сказал себе Кварцевый, — надо только не думать, а если потребуется, то думать! Так или иначе — я должен победить!

И помчался он дальше, а шаги его звенели, как будто кто-то молотом разбивал кристаллы; и топал он, мчась по улицам Фригиды, а ее жители смотрели на него из-под белых навесов с отчаянием в сердцах. И мчался он так, словно разъяренный метеор по Млечному Пути, когда заметил вдали одинокую, небольшую фигурку. Это был сам Барион, прозываемый Ледоустым, самый большой мудрец крионидов. Разогнался Кварцевый, чтобы его одним ударом раздробить, однако тот уступил ему путь и показал два пальца; не знал Кварцевый, что бы это могло означать, но развернулся и — снова на противника, но Барион опять лишь на шаг отодвинулся с его дороги и быстро показал один палец. Удивился немного Кварцевый и замедлил бег, хотя уже развернулся и как раз собирался взять разбег. Задумался он, и вода начала течь с ближайших домов, но он не видел этого, потому что Барион показал ему кольцо, сложенное из пальцев, всунул в него большой палец другой руки и быстро задвигал туда-сюда. Кварцевый думал и думал, что же могли сообщать

эти молчаливые жесты, и открылась под его ногами пустота, плеснула из нее черная вода, а сам он полетел в глубину как камень, и прежде, чем смог он себе сказать: — Ничего, только не думать! — как его уже не было на свете. Спросили потом спасенные криониды, благодарные Бариону за помощь, что он хотел выразить знаками, которые показывал ужасному электрицарю-чужаку.

— Это совершенно простая вещь, — ответил мудрец. — Два пальца означали, что нас двое — я и он. Один, что сейчас останусь только я сам. Потом я показал ему кольцо в знак того, что откроется вокруг него лед и черная пучина океана поглотит его навеки. Не понял он ни первого, так же, как ни второго и ни третьего.

— Великий мудрец! — закричали изумленные криониды. — Как же ты мог давать такие знаки страшному агрессору?! Подумай, что было бы, если бы он тебя понял и перестал удивляться?! Ведь тогда думы его не разогрели бы, и не рухнул бы он в бездонную пропасть...

— Ах, этого я совсем не опасался, — сказал с холодной усмешкой Барион Ледоустый, — ведь я знал заранее, что он ничего не поймет. Если бы у него была хоть крупинка разума, он бы к нам не явился. Что толку существу, которое живет под солнцем, от газовых драгоценностей и серебряных звездочек льда?

И удивились они в очередной раз мудрости мудреца и отбыли, успокоенные, в свои дома, где ждал их милый мороз. С тех пор никто уже не пробовал нападать на Крионию, так как закончились глупцы во всем Космосе, хотя некоторые говорят, что их еще много, вот только они не знают дороги.

Урановые уши

Жил некогда инженер-космогоник, зажигающий звезды, чтобы тьму одолеть. Прибыл он в туманность Андромеды, когда еще полно было в ней черных туч. Сперва скрутил он громадный вихрь, а когда тот закружился, достал Космогоник свои лучи. Было их три: красный, фиолетовый и невидимый. Перекрестил он звездный шар первым лучом, и получился красный гигант, но не стало светлее в туманности. Вторым лучом уколоч он звезду, и та побелела. Сказал он ученику: «Присмотри-ка за нею!» — а сам другие звезды пошел зажигать. Ждет ученик тысячу лет и еще тысячу, а инженера все нет. Наскучило ему ждать. Подкрутил он звезду, и из белой стала она голубой. Это ему понравилось, и решил он, что уже все умеет. Попробовал еще подкрутить, да обжегся. Пошарил в ларчике, который оставил ему Космогоник,

Uranowe uszy, 1964. © Перевод К. Душенко, 1993.